

ТРЕАТЕНЬ

Михаил
Прокопов

Михаил Прокопов

Предатель

<https://litres.ru/73885456>

SelfPub; 2026

Аннотация

Внук в очередной раз приезжает к своему деду, у которого не гостил уже много месяцев. Старик давно живёт один и в последние годы стал порядком сдавать. У внука есть разумное предложение по решению данной проблемы, однако во что может вылиться этот разговор не подозревали оба.

Михаил Прокопов

Предатель

Погожим апрельским вечером, когда солнце лениво сползало за макушки высоток, у выхода из метро наметилось привычное столпотворение. Такси, маршрутки, неповоротливые троллейбусы и автобусы, развозившие пассажиров после окончания рабочего дня, сгрудились в кучу. Среди суетливой толпы, ринувшейся на приступ очередного автобуса, брел парень в тонкой кожанке, которого обгоняли со всех сторон. Подойдя к дверям, он взялся было за поручень и замер. Сзади напирали, ворча и толкая. Он, словно очнувшись, отпрянул назад и медленно двинулся прочь. Дом на Широкой был совсем рядом – одна коротенькая остановка. Пешком всего ничего.

Молодой человек шел, заложив руки в карманы потертых джинсов. Шел не спеша, но в его неспешности не было легкости, которая отличает человека, гуляющего в свое удовольствие. Скорее это походило на подспудное желание растянуть время.

Справа показался магазин. Из разъехавшихся дверей вышла старушка в берете и медленно поковыляла к своей таксе, привязанной неподалеку. Та, виляя хвостом, кинулась навстречу, едва заметив хозяйку. Парень на мгновение остановил на них взгляд и свернул ко входу.

Оглядывая продуктовые полки, он прикидывал, что купить в этот раз. Молодой человек не был у деда больше полугода, даже не приехал на день рождения в феврале. И если раньше он об этом не задумывался, то сейчас проснувшееся чувство стыда накатило неприятной волной. Первым порывом было закупить что-то приличное, чем дед себя никогда не баловал, но парень одернул себя. Сколько бы он ни принес, продукты будут лежать нетронутыми, пока внук не придет и не разделит со стариком трапезу.

С другой стороны, заявляться в гости с пустыми руками было некрасиво. К тому же намечался серьезный разговор. В итоге молодой человек решил взять то, что составляло привычное меню деда: макароны, сосиски да пару булочек с изюмом, от которых тот никогда не отказывался.

Выйдя из магазина, парень зашагал к знакомой «башне», возвышавшейся над растрепанными кронами лип. Этот дом был построен еще в конце шестидесятых и расположился рядом с двенадцатиэтажными близнецами, образующими стройную шеренгу, уходящую на запад.

А вот и крохотный дворик с привычным скоплением машин. До девятого мая оставалось каких-то пару недель, и автомобили уже «украшали» привычные надписи «Спасибо деду за победу!», которые не вызывали ничего, кроме отторжения. И не потому, что выражать благодарность ветеранам - это плохо. Вопросы были только к ее форме. «Профанация и дешевая показушность», - считал молодой человек, - «Не

более того».

У подъезда парень подметил, что в доме за время его отсутствия успели сделать ремонт. Ветхая отделка сменилась фисташковыми фасадными панелями, но от этого «башня» не стала выглядеть лучше. Теперь она казалась лицемерной и бутафорской. Он позвонил в домофон. В долгом ожидании, пока дед снимет трубку, его всякий раз посещали дурацкие мысли, становящиеся все четче с каждым воркующим пиликанием.

Первое, о чем подумал молодой человек, что дед не открывает, что звонки так и будут раздаваться до тех пор, пока совсем не прекратятся; что дед умер, причем не сейчас, а много дней назад, но об этом до сих пор никому не известно. Каждый раз перед глазами мелькал калейдоскоп сменяющихся картинок: звонок в полицию, неловкое объяснение, томительное ожидание, вскрытая дверь, затхлый запах мертвеца, смешавшийся со спертым воздухом, а на полу – тело старика, застывшее в нелепой позе, в которой заключено незавершенное движение вперед, как неудавшаяся попытка зацепиться за жизнь.

Вторая мысль, уже не страшная, что дед возьмет трубку и просипит привычное: «Слушаю». А это значит, что нужно в который раз подниматься наверх и разыгрывать до боли надоевший спектакль. Внук будет дежурно предлагать помощь, зная, что получит категорический отказ, затем придется отпираться от настойчивых предложений перекусить и

сетовать на то, что дед по-прежнему ходит в рванье. После – проверить счета, почистить туалет, стереть пыль с...

– Слушаю, – раздался глухой голос, искаженный динамиком.

– Это Ян.

– Кто это «я»? – переспросил дед.

– Ян, – отчетливее повторил парень. – Внук твой. Открой-вай.

Из динамика донеслось шуршание трубки: дверь так и не открылась. Дед, как обычно, плохо нажал на кнопку. Своими окостеневшими пальцами он едва справлялся даже с телевизионным пультом. Молодой человек снова позвонил, но дверь внезапно открылась, и на улицу выпорхнула пара симпатичных девушек с развевающимися волосами. Они шумно пронеслись мимо с залихватским смехом. Скупое улыбкувавшемуся парню проводил их недоуменным взглядом. Ему казалось, что принарядившиеся девушки несовместимы с этим домом, что отсюда могут выходить только старики и старухи, ворчливые толстые тетки и спившиеся небритые мужики.

Как ни маскировала новая отделка убожество дома, внутри было так же удручающе, как и прежде. Дом напоминал густо напозаправленную старуху, желающую выглядеть как в молодости и боящуюся даже улыбнуться, чтобы не показать сгнившие зубы. В подъезде царил стойкий запах сырости и плесени, намертво въевшийся в разбитую плитку пола, облупленную побелку потолка и выгоревшую краску стен.

Парень старался дышать через раз, дожидаясь скрипучего лифта, который тоже изменился. Со стен исчезли похабные надписи, а новая лампочка горела уверенно и ярко, показывая всем своим видом, насколько она жизнеспособней той, старой, что вечно была по глазам агонизирующим стробоскопом. Белый холодный свет освещал лицо Яна, смотревшего на себя в зеркало. К ровному гудению примешивался знакомый скрежет старых механизмов, которые никто не собирался менять даже спустя десятилетия. Всякий раз, входя в кабину, Ян с тревогой думал о том, что однажды застрянет и непременно надолго.

Десятый этаж.

Рука потянулась было к одному из замызганных звонков, но вместо этого парень выудил сигареты. Он курил, задумчиво глядя на медленно тающие клубы дыма и стряхивая пепел прямо под ноги. Вдруг тамбурная дверь распахнулась и к лифту вышла пожилая соседка, жившая напротив деда. Не сразу признав Яна, она невольно отпрянула. Сделав пару шагов назад, чтобы пропустить женщину к лифту, парень неохотно поздоровался и оперся о стену, пуская дым в потолок.

– Явился, не запылится. Ни стыда ни совести. Хотя бы раз в месяц к деду приезжали! – запыхтела соседка, мотая головой. – Еще и накурил тут.

Она корила не только Яна, но и всю его семью. Женщина вызвала лифт, и тот, поднимаясь, услужливо загудел. Моло-

дой человек демонстративно затушил сигарету о стену, ничего не ответив. После недолгой паузы, стоя лицом к двери, соседка продолжила:

– Почему вы к нему не приезжаете? Почему не помогаете? Он с каждым годом все хуже, а вы совсем о старике заботиться перестали. Заслуженного ветерана бросили, как собаку, на произвол судьбы. Я на прошлой неделе у него убиралась. Беспорядок такой...

Рядом послышался звук падающего мусора, точно подземный монстр пронесся по мусоропроводу, снося все на своем пути. Звякнуло разбитое стекло.

– Вы обои у него видели? Все отклеились, скоро на голову ему свалятся. А тараканов сколько! А он их даже...

Двери лифта разъехались. Соседка, не договорив, скрылась в кабине. Ян отшвырнул бычок и только теперь сообразил, что напрасно не воспользовался моментом, чтобы попасть в общий коридор. Ну что ж, придется снова звонить деду. Впрочем, раз тот откликнулся на звонок в домофон, то и сейчас непременно встретит.

Парень замешкался, вспоминая, какой из неподписанных звонков дедов. В итоге нажал наугад на тот, что был с более потрескавшейся краской, и, как ни странно, угадал. Послышались сухие шарканья по пыльному линолеуму. Секундная тишина. Шелест ощупывающих дверь пальцев и резкий щелчок замка, отозвавшийся эхом.

– Привет! – улыбнулся Ян.

– Привет, – медленно протянул дед. Он всегда произносил это слово по-особому. В его голосе отсутствовал даже намек на какие-либо эмоции. Когда дед здоровался, Ян не понимал, рад тот его видеть или нет, злится ли за долгое отсутствие или ему безразлично. Иногда парню казалось, что дед попросту забыл, кто он, будто Ян – в лучшем случае давний знакомый, смутно отпечатавшийся в памяти.

– Как себя чувствуешь?

– Как вчера.

Старик отвечал так всегда, и у Яна не было причин ему не верить. Один день вряд ли отличался от другого, и если для кого-то это могло показаться нескончаемой пыткой, то деду так было лучше всего.

– Вижу, бороду отрастил. А что, тебе идет. Здоровье как?

– Что?

– Говорю, здоровье как? – уже громче спросил внук, заранее зная, что услышит в ответ. Он стоял в дверях, ожидая, пока старик доковыляет обратно. Из квартиры привычно несло гремучей смесью из запахов подпортившейся еды, плохо промытой половой тряпки и ветхой мебели.

– Нормально, – отозвался тот, будто с ним не могло ничего произойти по определению, будто он собирался жить вечно. Парень знал, что дед не станет углубляться в эту тему. Понятно, что со временем тот потихоньку сдавал. Зрение с каждым годом ухудшалось. В последнее время он перестал различать лица, видел лишь силуэты и перепады света, тело

усыхало, и даже феноменальный совиный слух терял былую остроту. Вместе с тем Ян не припоминал, чтобы дед хоть раз жаловался на здоровье, чтобы болел сезонной простудой или мучился давлением. Да что там говорить, в его доме не было даже аптечки. Он никогда не ходил в поликлинику, не доверяя врачам, но, если те навевались, был необычайно любезен, слушал все указания и никогда не говорил лишнего, что могло бы указать на его проявляющуюся деменцию.

– Чего так долго не приезжал? – спросил дед, когда гость вошел в квартиру, захлопнув дверь. И снова никаких эмоций в голосе. Точно спросил, который час. Парень посмотрел в глаза старику, но тот глядел куда-то через плечо. Похоже, зрение стало еще хуже.

– Дела, дед, – внук пожал плечами. – То одно, то другое, сам знаешь. Жил бы ты поближе...

Словно удовлетворившись ответом, дед, ощупывая стены сильными руками, зашаркал в комнату, откуда доносились звуки какой-то телепередачи. Он передвигался удивительно плавно и медленно, но уверенно, как большая неповоротливая рептилия. По скрипящему паркету подволакивалась хромяя нога. Не разуваясь, Ян вошел в кухню, выложил макароны с булочками на стол и последовал в комнату за стариком.

– Что делаешь? Телевизор смотришь? – бросил парень, переступая порог дедовой спальни, только сейчас заметив, что вместо старого лампового телевизора, купленного еще

в девяностых, на тумбе красуется сияющий плоский «Самсунг».

– Новый телик, что ли? – не поверил своим глазам Ян.

– Есть будешь?

– Нет. Я спрашиваю, телевизор новый купил?

– Могу разжарить котлеты. Старые доел. Но если бы знал, что приедешь...

– Спасибо, дед, я не голоден. А как ты его купил? Ты же ничего не видишь...

Дед поджал губы.

– Как-как? – растягивая слоги, с досадой ответил он. – Пошел в магазин да купил.

– А... Что со старым?

– Сломался. Вон, в углу стоит.

Ян оглянулся.

– Ну, ты даешь! Все сам провернул, – усмехнулся парень, несколько наигранно восхищаясь дедовой самостоятельностью и попутно вспомнив, что рядом с продуктовым, куда он заходил сегодня, имелся и небольшой магазин бытовой техники. Дед изредка совершал небольшие вылазки на улицу. Наверняка нашелся сердобольный доброволец, что помог и выбрать, и донести телевизор до дома. Впрочем, старик вряд ли в этом сознается. – А что со мной не связался?

Тот не ответил. Дед уже давно никому не звонил. Он и раньше делал это в лучшем случае раз в год, чтобы поздравить Яна с днем рождения, но, когда зрение село настоль-

ко, что он перестал различать даже крупный шрифт, пользоваться телефоном прекратил. Об очках не могло быть и речи. Испорченное зрение они бы уже не спасли, а от операции, которая несколько лет назад еще могла что-то исправить, он упорно отказывался. Ян всякий раз напоминал деду, что тот может связаться с ним через соседку (та им время от времени названивала сама), однако старик игнорировал такую возможность, словно от рождения был не способен просить о помощи.

– Ты с телевизором разобрался? Дай посмотрю, что там у тебя.

Старик насторожился.

– Не надо. Ты лучше сначала прочитай, как он работает, а то мало ли...

– Успокойся, дед. Думаешь, я телевизор первый раз вижу?

Ян взял пульт и уселся на диван, в котором заскулили пружины.

– Тут кроме «Первого» и «России» ничего нет. Кто настраивал?

– Ты все-таки прочитай, как пользоваться. Вслух почитай. А я послушаю, – старик приблизился, протянув небольшую брошюрку. – Заодно сам узнаешь...

– Дед, отстань, а! Ща все будет.

Блеклые глаза старика забегали. Он положил инструкцию рядом с внуком и удрученно произнес:

– Мне и так сгодится. Главное, чтобы «Первый» показы-

вал.

Ян продолжал щелкать кнопками.

– Ты, наверно, есть хочешь, – снова затянул свое дед. – Только с дороги. Пойду котлеты сделаю. В голодном желудке правды нет.

– Сказал же – не голоден! Я сам тебе еды немного принес. Погоди немного.

– У меня, кстати, и яблоко осталось. Свежее. Одно я вчера съел.

Дед достал из холодильника яблоко и протянул Яну. Тот не отреагировал. Старик положил вялый плод рядом с брошюрой и зашаркал в кухню. Через некоторое время до Яна донеслось шкворчание чугунной сковородки, а в нос ударил горьковатый запах кипящего маргарина и полуфабрикатов.

– Твою ж мать! – устало буркнул он, орудуя в настройках меню. – Ну до чего упрямый...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.